

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ПРОБУЖДЕНИЕ МАГИИ. ТЁМНОЕ ФЭНТЕЗИ»:

«Исчезающая в бездне»

«Лига лжецов»

Астрид Шольте

«Белладонна»

Аделин Грейс

«Сёстры меча и песни»

Ребекка Росс

«Нити магии»

Эмили Бейн Мерфи

«Прах и Тьма»

Кортни Гулд

«Уничтожить королевство»

Александра Кристо

АСТРИД ШОЛЬТЕ

ИСЧЕЗАЮЩАЯ В
БЕЗДНЕ

Freedom

Москва

2023

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44
Ш78

Astrid Scholte

THE VANISHING DEEP

Copyright © 2020 by Astrid Scholte

This edition is published by arrangement with Sterling Lord
Literistic, Inc. and The Van Lear Agency LLC

Шольте, Астрид.

Ш78 Исчезающая в бездне / Астрид Шольте ; [перевод с английского Н. Зиминной]. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с. — (Young Adult. Пробуждение магии. Тёмное фэнтези).

ISBN 978-5-04-173886-0

Остров Полидромен. До запуска счетчика двадцать восемь часов.

Темпеста родилась в мире, который затопило пятьсот лет назад. Теперь руины городов покоятся под водой, а жители Полидромена регулярно исследуют их в надежде получить вознаграждение. Темпеста погружается каждый день, чтобы однажды, ровно на сутки, оживить свою сестру Элизию. Девушка умерла и унесла с собой страшную тайну о роковом дне, когда их родители погибли. Темпеста знает – именно Элизия была ответственна за их смерть.

Счетчик запущен. Осталось 24 часа.

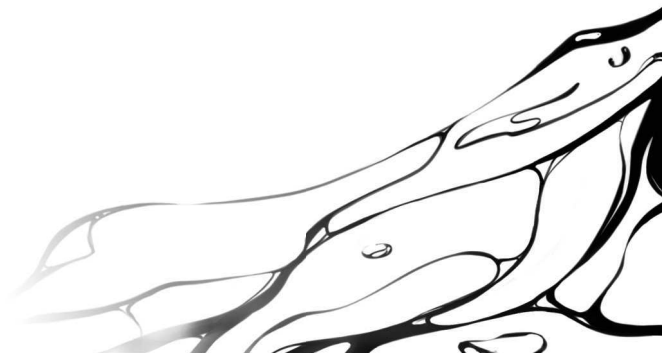
Но у Элизии другие планы. Она не желает проводить свой последний день в заточении. Вместе с сестрой они отправляются в опасное путешествие, чтобы узнать правду о смерти родителей. Но зрители Полидромена отчаянно пытаются найти их до того, как время Элизии истечет и девушка узнает истинную цену своего воскрешения.

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-173886-0

© Зимина Н., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Посвящается Эндрю —
ради тебя я готова пересечь океан*

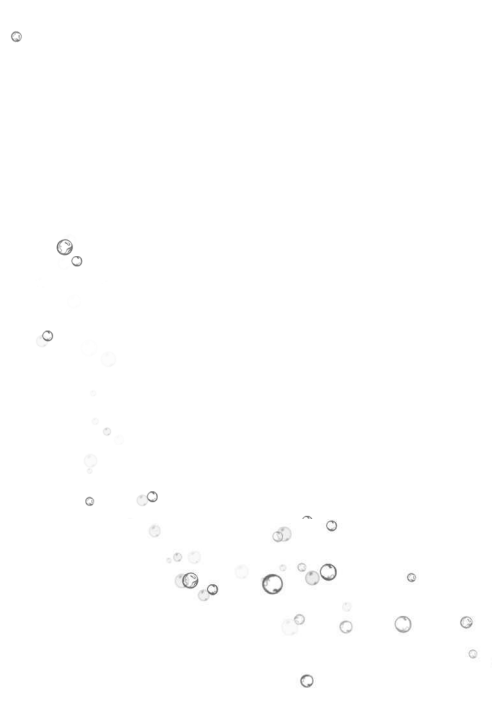

Палиндром — это слово, число, фраза, последовательность символов или знаков, одинаково читающихся в обоих направлениях.

В начале нас ждет то же самое, что и в конце. В конце нас ждет то же самое, что и в начале.

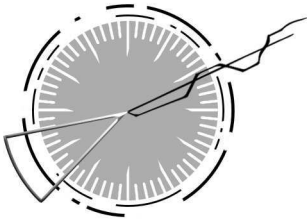
Таков закон жизни.

Нам следует ценить тот промежуток времени, что находится между ними.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕМПЕСТА

Счетчик еще не запущен

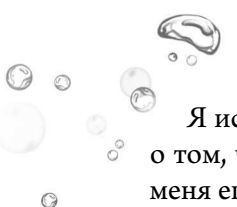
Воскресенье, 8:00

Я хотела воскресить сестру не потому, что очень ее любила.

Мне не хотелось в последний раз проститься с ней, прошептать невысказанные слова, чтобы облегчить свою совесть или поведать ей о накопившихся обидах. Я не жаждала напоследок услышать из ее уст мое имя, *Темпе*.

Мне просто хотелось усмирить гнев, снедающий меня изнутри. Гнев, который был мне неподвластен и заполнял все мое существо, заставляя меня действовать — даже в те дни, когда я уставала после ныряния на рассвете или когда мне надоедала моя никчемная жизнь.

Я бы предпочла навсегда забыть ее длинные темные волосы, струящиеся, как змеи, в воде, когда она спускалась на дно впереди меня, каким-то чудом зная, в каком месте искать сокровища. Я бы хотела вычеркнуть из памяти, как она отталкивалась сильными ногами танцовщицы, не обращая внимания на бушующий поблизости шторм. Раз и навсегда забыть ее звонкий голос, похожий на звенящий колокольчик, который замолчал навсегда.

Я испытывала злость, вспоминая о ней. Однако мысль о том, что я больше никогда не услышу ее имя, огорчала меня еще больше.

За два года, прошедшие с ее смерти, оно всплывало все реже, как затихающие раскаты грома после грозы. Вначале все друзья Элизии говорили *твоя сестра*, словно опасаясь, что при звуке ее имени по моим пылающим щекам вновь хлынут слезы. Но затем по мере того, как дни сменялись неделями, они вновь начали осторожно и мягко произносить его, давая понять, что жизнь на этом не закончилась, мне пора встать с постели и жить дальше.

Шли недели, а за ними месяцы, и люди вовсе перестали о ней говорить. Будто ее и не было.

Но потом я случайно узнала о сестре одну вещь, заставившую меня изменить свое отношение к ней, и на смену моему горю пришел гнев.

Теперь я *во что бы то ни стало* должна была в последний раз услышать ее голос, чтобы узнать правду. А для этого придется ее воскресить.

Иначе мы обе не будем знать покоя.

Катер раскачивался на волнах. Я старалась держать равновесие, чтобы не упасть в воду. Раньше родители добирались на «Рассвете» на работу. Судно было небольшим, но быстрым, с треугольной палубой цвета ракушек и крыльями под кормой, доходящими до воды, которые придавали ему устойчивость на больших скоростях. Внизу располагалась крошечная каюта, уходящая под воду, как сытое брюхо роднехвоста.

Я вглядывалась в океанскую бездну, и мне казалось, что я вижу на дне какое-то едва заметное движение, намекающее на то, что там есть нечто, помимо песка и соленой воды.

Затопленный город, который я годами опустошала и ни разу не вернулась оттуда с пустыми руками. Смуглый

цвет моей кожи указывал на то, что я много лет спускалась под воду в поисках разных вещичек.

Сегодня я нырну туда в последний раз. Элизия нашла это место, когда мне было двенадцать, а спустя пять лет я уже знала все повороты и закоулки в этом лабиринте из стали, стекла и камня. Лишь одно помещение оставалось нетронутым, и я не могла успокоиться, пока не исследую его. Затем мне придется искать под водой новые руины в надежде, что они еще не разграблены, как многие затонувшие города в этой части океана.

Я получше закрепила на ногах ласты, сделанные из затупленных ножей Прежнего мира. Ржавые тонкие металлические пластины скрипнули, когда я взмахнула ногой, чтобы их проверить.

— Ох, не скрипите! — воскликнула я. До этого ласты принадлежали моей маме, а теперь перешли мне, поскольку у меня не было средств, чтобы купить себе новые. Я бы не стала тратить деньги ни на что другое, кроме оживления сестры и заправки баллонов.

Последнее погружение, подумала я, взяв в рот трубку и надевая на голову прозрачный складной шлем. Прикрепив его к вороту костюма для погружения, я дождалась, пока он надуется.

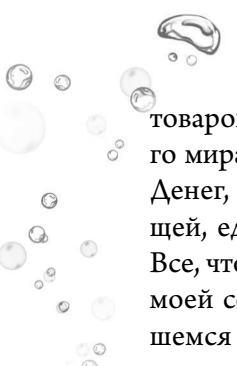
Последнее прощание. Воспоминание, которое останется в глубинах моей памяти, еще одна связь с Элизией, разорванная навсегда. Эта мысль должна была бы поднять внутри волну грусти, но вместо этого я почувствовала лишь холодную, жесткую решимость. Вскоре я тоже вычеркну из памяти ее имя.

Я сделала неглубокий вдох, чтобы проверить уровень воздуха в небольшом баллоне, прикрепленном к поясу.

Раздался двойной сигнал.

Дыхательная смесь на исходе.

Я скинула шлем и выплюнула трубку. Не считая еды, дыхательная смесь для погружения была самым дорогим

товаром, но она позволяла нам искать реликвии Пржегнего мира, которые можно было бы использовать и сейчас. Денег, вырученных после продажи найденных мною вещей, едва хватало на то, чтобы жить на рифе Эквинокс. Все, что оставалось, я откладывала на будущее оживление моей сестры. Я надеялась найти нечто стоящее в оставшемся зале, чтобы заправить баллоны и отправиться на поиски новых подводных руин, не тратя свои сбережения.

Я вставила в рот трубку дыхательного аппарата и натянула шлем. Надеюсь, мне хватит воздуха для погружения.

Но прежде чем нырнуть, я потрясла в руке черные камешки с переливающимися на солнце голубыми прожилками, похожие на вращающиеся миниатюрные галактики, а затем бросила один из них в океан, вознося молитву всем Подводным богам. Я просила, чтобы они позволили мне погрузиться в их царство, их святая святых, и выйти оттуда живой. Эта привычка осталась у меня с детства. Когда мы с Элизией были маленькими, то думали, что боги океана во время шторма забирают к себе души моряков, а также весь воздух из легких ныряльщиков. Тогда мы не знали, что это зависит только от везения, допущенных людьми ошибок или плохой подготовки. То есть опасностей нашего мира.

Вместе с ней мы научились покорять океан. По крайней мере, я так считала. До тех пор, пока Элизия не утонула два года назад.

Я не стала дальше погружаться в пучину сомнений, а просто взяла непромокаемую сумку, прикрепила ее к водолазному поясу и, повернувшись, прыгнула в воду.

Она оказалась холодной, но я почувствовала это только пальцами, потому что остальное тело было закрыто костюмом, специально сшитым из тонких прорезиненных голубых кусочков ткани, похожих на рыбу чешую,

который я всегда носила под одеждой. Я начала грести тяжелыми металлическими ластами, постепенно опускаясь все ниже.

Сделай несколько неглубоких спокойных вдохов, в голове тут же возник голос моей сестры. Естественно, ведь это она учила меня погружаться на глубину.

— Спускаться вниз легко, — говорила она мне. — Береги кислород на обратный путь, он тебе понадобится. Плыви за мной в темноту, Темпе! — Она никогда не называла меня полным именем, Темпеста, поскольку оно казалось слишком строгим для младшей сестреники. — Темпе звучит намного приятнее, — объясняла она.

Я плохо помнила себя в детстве.

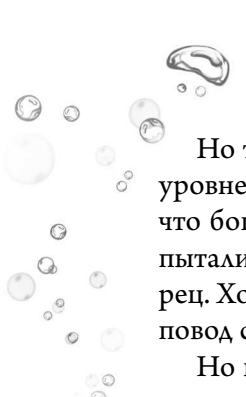
Из фонарика, закрепленного возле глаз, бил яркий луч, освещавший мне путь в подводный мир. Опускаясь на дно, я следовала за ним, и совсем скоро моему взору предстали разные оттенки голубого, фиолетового и розового цветов, разбросанные вдоль ржавых металлических стен. После Великого потопа пятьсот лет назад вдоль городских руин выросли биолюминесцентные кораллы, которые освещали путь на дно океана, как фонари на мощеных улицах Прежнего мира или звезды в ночном небе. Затонувшее созвездие.

Каждый раз при виде этой картины у меня перехватывало дыхание. Несмотря на то, что здание давно разрушилось, оно было словно живое. Невероятно красиво.

Я опускалась все ниже, на дно океана.

Проплыв мимо красно-коричневой башни из металла, я свернула влево. Ржавые обломки, будто окаменелые водоросли, свисали со всех сторон. Проемы, оставшиеся от окон и дверей, которые когда-то вели в полный жизни мир, теперь зияли пустыми глазницами мертвого чудища, готового поглотить любого.

Затерянный город, утонувшие жители. Меня ждал отличный улов.

Но тут вновь раздался сигнал, сообщающий о низком уровне воздуха, и я старалась дышать спокойно, надеясь, что боги сегодня на моей стороне. Многие ныряльщики пытались найти Подводных богов: храм, часовню, дворец. Хоть что-нибудь. Но так ничего и не отыскивали, давая повод скептикам усомниться в их существовании.

Но в мире, состоящем преимущественно из воды, без проводников не обойтись. Прежний мир верил в существование богов на небе и ориентировался по звездам, путешествуя по разным странам. Но когда на Земле остались лишь жалкие островки суши, стало бесполезно смотреть на небо. Мы оказались во власти воды.

Жаль, что, впервые обнаружив это здание, мы не начали с самых нижних этажей. Но тогда я впервые спустилась под воду, и Элизия хотела, чтобы мы оставались ближе к поверхности, несмотря на мои заверения о том, что я готова. Она была всего лишь на два года старше меня, но после смерти родителей вела себя скорее как мой опекун, чем сестра. Это было время, когда мамины ласты еще слетали с моих ног.

— Ничего, ты еще до них дорастешь, — повторяла Элизия, затягивая ласты как можно туже на моих маленьких ногах. — Так даже лучше, сможешь пользоваться ими дольше.

Я не спорила, а просто радовалась тому, что меня наконец-то взяли понырять.

Прошло пять лет, и теперь я была одной из лучших ныряльщиц на Эквиноксе. В то время как другие дети ходили в школу, путешествовали по океану с родителями, плавали с друзьями и танцевали с братьями и сестрами, я ныряла. Снова и снова.

На поверхности у меня больше не осталось дел.

Я погружалась все ниже и ниже, стараясь дышать неглубоко, чтобы сохранить воздух на обратный путь.

Как бы я ни скучала по совместному погружению с Элизией, мне нравилось плавать одной, находясь во

власти океана и защищавших меня Подводных богов. В полной тишине, успокаивающе действовавшей на меня.

Элизи повезло, что она нашла эти руины, которые, по всей видимости, откололись от целого комплекса зданий во время Великого потопа. Вокруг большинства затопленных городов было очень много людей, и поэтому осталось очень мало находок. Но не в этом здании. Его руины были в моем полном распоряжении.

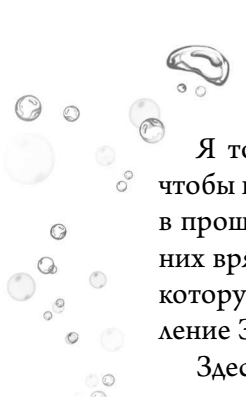
Это место располагалось неподалеку от острова Палиндромена, а большинство ныряльщиков опасалось огромных волн, разбивающихся о его крутой берег. Слишком много людей утонуло возле него. К тому же жители Эквинокса были очень суеверными и считали, что остров окружает завеса тайны и на нем стоит печать смерти.

Однако я не боялась Палиндромены. Ведь этот остров всегда маячил в моей жизни в виде призрака, не касаясь меня напрямую, как неясная тень.

Когда я наконец достигла океанского дна, то быстро проплыла сквозь пустое окно. В проеме виднелись кораллы, освещавшие мне путь. Многие считали, что нужно благодарить Подводных богов за то, что после Великого потопа в океане выросли кораллы, указывающие путь к затонувшим сокровищам. Без богов и посланных ими кораллов Пржежий мир навсегда затерялся бы в океанской бездне.

Вновь раздался предупреждающий сигнал, мне нужно было ропотиться.

Первый этаж затонувшего здания представлял собой галерею из соединенных между собой небольших торговых лавочек. Внутри них также виднелись кораллы, от которых шел свет. Первым помещением оказалась какая-то кофейня с перевернутыми столиками и осколками керамических тарелок и стеклянных чашек, которые плавали в воде.

Я торопливо поплыла дальше, смотря по сторонам, чтобы не пропустить что-то ценное, не замеченное мною в прошлый раз. Старые чашки были интересными, но за них вряд ли дали бы много денег. Я искала вещь, продав которую смогла бы зарядить баллоны и оплатить оживление Элизии.

Здесь, глубоко под водой, скелеты встречались едва ли не так же часто, как косяки из сотен желтых роднехвостов, плавающие у берегов Эквинокса. В трещинах их сломанных костей выросли кораллы, став тем связующим звеном, который не давал скелетам окончательно развалиться. Они плавали туда-сюда сквозь окна и двери, будто бы продолжая дышать и жить, притом что их мышцы и плоть были давным-давно смыты водой.

В двенадцать лет я впервые увидела светящийся скелет, напоминавший лоскутное одеяло. После этого мне всю неделю снились кошмары. Теперь же они стали моими друзьями. Я придумала им имена, биографии, характеры, сделав их *чуть* менее страшными.

Мне всегда было сложно заводить друзей, но на дне океана у скелетов не оставалось иного выбора, кроме как дружить со мной.

Я кивнула Адрею. Его красно-розовый окаменелый череп лежал на прилавке в кафе, а костлявая рука находилась прямо возле лица, точно я случайно застала его в глубоком раздумье. На дне не было никакого движения, сильного течения или косяков рыб, которые могли бы его потревожить. Когда я проплывала мимо, мои ласты подняли небольшую волну, и тогда светящиеся костяшки его пальцев поднялись, будто приветствуя меня.

Я проследовала в следующую комнату.

— Привет, Селси! — поприветствовала я скелет, обреченно плавающий меж двух коридоров. Я назвала его в честь моей старой тетушки, которая умерла от нароста соли в легких, когда я была еще маленькой. Хорошо

помнила ее зубы, казавшиеся слишком крупными, совсем как у этого скелета. Я легонько подтолкнула Селси, чтобы она проследовала в следующую комнату к Адрею. Даже мертвецы не должны оставаться одни.

Следующее помещение когда-то было книжной лавкой. Я проплыла его, не смотря по сторонам. Раньше оно было заперто, и мне пришлось приложить силу, чтобы его открыть. Мне удалось выудить несколько книг, а остальные рассыпались прямо у меня в руках: их страницы разлетелись по всей комнате. Те книги, что я подняла на поверхность, почти ничего не стоили. Соприкоснувшись с соленым влажным воздухом, их страницы тут же начали рассыпаться. Видимо, лучше было оставить их на дне, чтобы слова, написанные на их страницах, навсегда остались непрочитанными, унося с собой в бездну нерассказанные истории.

Мы потеряли громадный пласт нашей истории. Большинство сказаний о Пржежных богах были забыты, а на смену им пришли новые боги. Люди верили в то, что Пржежные боги отвернулись от нас из-за нашего эгоизма и не предупредили о надвигающемся потопе.

Когда на нас обрушился Великий потоп, люди старались выжить за счет веры.

Но только когда появились светящиеся кораллы, люди поверили в то, что мы не одни. Значит, все-таки боги не покинули нас. Ведь, подобно звездам на небе, кораллы указывали нам путь к затонувшим городам.

Мы смогли выжить в новом мире, используя то, что осталось от пржежных времен.

В отличие от моего отца, мама верила в Подводных богов. Возможно, именно отсутствие у папы веры стоило им жизни? Может, он не заметил надвигающиеся волны и темнеющие небеса, предвестников ужасного шторма, который потопил их лодку? Но, с другой стороны, Элизия...

Датчик воздуха неистово пищал.

— Я слышу тебя, — подумала я. — Но я еще не закончила свое дело.

Доплыв до последнего неисследованного помещения, я открыла дверь с помощью специальных клещей. На пороге я задержала дыхание, не только для того, чтобы сэкономить воздух, но и в предвкушении того, что я там увижу. Однако из-за темноты я не смогла ничего разглядеть. Тогда я отломил кусочек коралла от дверного проема и проследовала в комнату.

У меня вырвался вздох разочарования.

С потолка на ржавых палках свисали лохмотья, которые остались от некогда ярких тканей.

Лавка с одеждой.

Я так надеялась, что комната, расположенная в самой дальней части здания, защищена от пагубного воздействия волн, подобно книжной лавке. Но ее окна выходили во внутренний двор, а стекла давным-давно разбились.

Я начала перебирать руками лохмотья, в надежде найти хоть какие-то украшения, безделушки, хоть что-нибудь. Однако Великий потоп не оставил здесь ничего интересного.

Датчик запаса воздуха пищал все настойчивее, а значит, у меня оставалось всего несколько минут для того, чтобы начать постепенное всплытие во избежание декомпрессионной болезни. Я подумала о том, что нужно будет купить дыхательную смесь и постараться поскорее найти новый неисследованный объект для погружений.

Вдруг мне в глаза бросилось нечто, расположенное в центре большого ярко-розового коралла. Оно было зеленого цвета, что являлось редкостью для такой глубины.

Я проплыла сквозь пустую оконную раму и взглянула наверх. Часть здания обрушилась во внутренний двор, перекрыв его снаружи. Теперь понятно, почему сверху его не было видно.

Но не это привлекло мое внимание. Я проплыла чуть дальше, и мое сердце забилося часто-часто, в унисон с сигналом датчика. *Не может этого быть! Это невозможно!*

Дотронувшись пальцами до зеленой восковой поверхности, я забылась и сделала глубокий вдох. Датчик издал визжащий звук, но я не обратила на него внимания.

Это же растение! *Растение!* Слава Подводным богам!

У меня захватило дух от радости, ведь за растение дадут сотни, тысячи банкнот.

Теперь я готова. Я смогу отправиться на Палиндроме-ну. Наконец-то мне удастся попрощаться с Элизией.

Я боялась дотронуться до растения — вдруг оно рассыплется при одном моем прикосновении.

Как это может быть? Конечно, некоторые ныряльщики находили растения, но в основном это были морские водоросли. Однако здесь совсем другой случай. Водоросли не растут в такой темноте. Это было растение, которое выросло на земле и каким-то чудом уцелело.

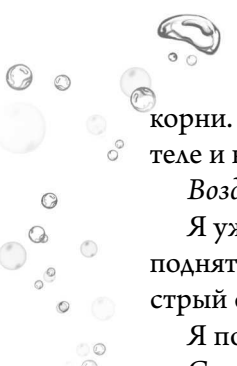
Я очистила его от обломков, упавших сверху и закрывших собой почти все листья. Они были органического происхождения, мягкие и зернистые на ощупь. Это же дерево! Видимо, оно упало на дно под ударом волн и защитило растение от разложения.

От радости я сделала глубокий вдох и ощутила нехватку воздуха. Теперь датчик вместо прерывистого сигнала издавал протяжный звук.

А значит, воздух закончился.

Я опустила руки вниз, чтобы нащупать корни. Есть! Я попробовала аккуратно выдернуть растение, и оно поддалось, сбросив несколько листьев и веточек. Если мне удастся поднять его наверх в целости и сохранности, это будет настоящее чудо.

У меня в груди все горело из-за нехватки воздуха, я вытащила из сумки прозрачный мешок и обернула им

корни. Меня обдало жаром, я почувствовала его во всем теле и на запекшихся губах.

Воздух. Мне нужен воздух.

Я уже не успевала проплыть через все лавочки, а затем подняться на поверхность. Нужно было найти более быстрый способ выбраться отсюда.

Я посмотрела наверх. Это мой последний шанс.

Сунув растение под мышку, я со всей силы оттолкнулась лапами и сразу почувствовала жжение в мускулах.

Нужно подняться на поверхность как можно быстрее.

Я начала всплывать и вдруг уперлась в препятствие, перекрывшее мне путь. Это был кусок тяжелой штукатурки, упавший с ближайшей стены. Я попробовала сдвинуть его плечом, надеясь, что мне удастся выбраться наружу к солнечному свету. Это здание так меня выручило, оно не должно меня подвести. Только не сейчас.

Датчик перестал издавать звуки, дыхательная смесь закончилась. Я должна была либо срочно подняться на поверхность, либо умереть. Но у меня в запасе еще оставалось немного времени. За годы погружения на глубину мои легкие расширились, поэтому сейчас в груди оставался небольшой запас воздуха, которого должно было хватить на несколько минут.

Я со всей силы стукнула по обломку, и он треснул. Прележав сотни лет под водой, он стал хрупким. Я продолжала бить изо всех сил, пока не увидела проблеск солнечного света. Быстрее наверх!

Протиснувшись в образовавшееся отверстие, я поняла, что у меня нет времени, чтобы неспешно подниматься на поверхность. А значит, когда я выберусь отсюда, мне придется принять таблетку для рекомпрессии, чтобы нейтрализовать пузырьки воздуха, образовавшиеся в мускулах и кровеносной системе. Но это меньшая из моих проблем.

В легких не осталось воздуха, теперь им конец, и ногам тоже.

Я вспомнила про Элизию. Так вот что она чувствовала перед смертью. Вокруг был синий океан, как у меня сейчас. Жжение в груди. Боль. Ужас.

Никто не найдет меня здесь, потому что попросту некому искать. Лучше бы я осталась с Адреем на дне. Не хочу умирать в одиночестве, как моя сестра.

Я пыталась плыть, двигая ластами, но свет был слишком далеко. Я пробовала сделать вдох, но воздух закончился. Тогда я выплюнула изо рта трубку, признав поражение.

Все кончено, мне оставалось жить несколько минут. Я подумала про маму с папой и Элизию, забыв о том, что она натворила. Надеюсь вскоре встретиться с ними там, куда попадают после смерти.

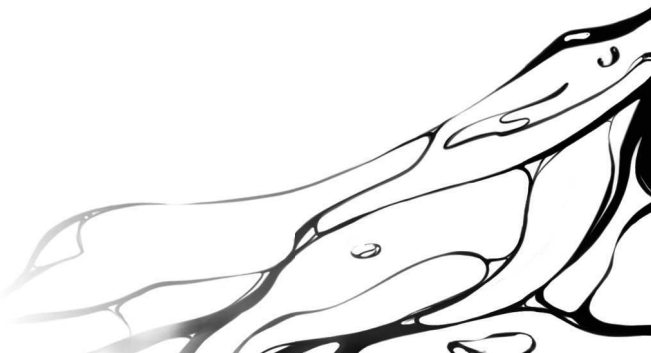
Все поплыло перед глазами, но я попыталась в последний раз сделать вдох.

Воздух! Я чуть не поперхнулась. Конечно! Я же использовала его, чтобы надуть себе шлем!

Стоило мне с облегчением вдохнуть, как кислород закончился.

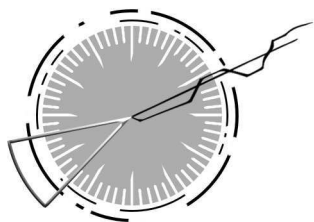
Но этого было достаточно.

Я поспешила на поверхность.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛОР

Счетчик еще не запущен

Воскресенье, 14:00

Я пытался не замечать трупов, смотрящих на меня из резервуаров. Но не было ни одного дня, когда бы у меня получилось это сделать.

Я терпеть не мог это место — его запахи, приглушенный свет и все, что с ним было связано. Больше всего я ненавидел смерть. При этом к трупам я относился без антипатии. Они же не виноваты в том, что ученые на Палиндроме использовали их для своего плана по спасению планеты. Ученые считали, что будущее в их руках, поскольку они отвечали за урожай всех выращиваемых культур. В противном случае мы бы все умерли.

По идее я давно должен был смириться с этим, поскольку уже два года жил и работал в подвале на Палиндроме, или в Аквариуме, как его ласково называли сотрудники. Однако к трупам сложно привыкнуть.

Остров Палиндромена получил свое название в честь станции, на которой придумали способ оживления утопленников — правда, всего на двадцать четыре часа. Большинство людей отдали бы все, чтобы получить шанс проститься с любимыми, и это можно было сделать на нашем острове при условии, что клиент был готов

заплатить три тысячи банкнот. Те, кто решили раскошелиться, утверждали, что ни минуты не пожалели об этом. Однако лично мне такая цена всегда казалось заоблачной.

Я знал, что другие сотрудники воспринимали эту процедуру как чудо, дающее человеку прожить еще день, или как дар Подводных богов, однако в процессе оживления не было ничего сверхъестественного. В конце концов, смерть — чертовка, играющая не по правилам.

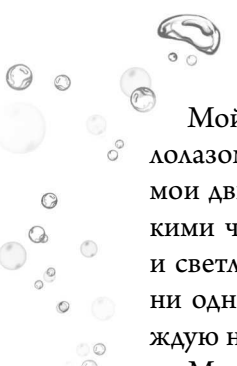
Тогда почему же я решил окружить себя мертвецами?

Все просто: я не заслуживал того, чтобы находиться рядом с живыми людьми.

Я понял, что бесполезно пытаться уснуть, и решил встать с постели. Дело в том, что я проснулся очень рано, после обычного ночного кошмара. Когда два года подряд тебе снится один и тот же сон, кажется, что он уже не должен вызывать такой бурной реакции. Однако я по-прежнему просыпался, выкрикивая имя Калена. Я не чувствовал облегчения, даже во сне. Хотя, сказать по правде, я его не заслужил. Мое подсознание с удовольствием напоминало мне о том, что я натворил. Прошлая ночь не стала исключением.

Когда я, наконец, смог провалиться в сон около четырех утра, мне привиделся *тот самый* день, во всех подробностях. Как будто все произошло вчера, а не два года назад.

Мне снилось, что я в горах Палиндромены. Лишь взбираясь на скалы, я чувствовал себя самым собой. Не «островитянином», а просто Лором. При этом я сам выбирал скорость подъема, маршрут и конечную цель. Это давало мне чувство контроля, которое я не мог получить в других обстоятельствах. Никто не указывал мне, что делать, не ставил передо мной никаких задач. Все зависело только от меня. Я обожал этим заниматься, притом что на Палиндромене я чувствовал себя заложником.

Мой закадычный друг Кален был менее опытным скалолазом, но старался не отставать от меня, повторяя все мои движения. Иногда он выглядел по-другому, с короткими черными или русыми волосами, а не с длинными и светлыми, и я понимал, что это сон. Но не проходило ни одной ночи, чтобы я не видел его. В каждом сне, каждую ночь.

Мы с детства были лучшими друзьями и вместе исследовали остров, пока наши мамы работали. Большинство сотрудников жили на соседнем Эквиноксе и ежедневно приплывали сюда на катерах. А наши семьи проживали на острове, чтобы присматривать за станцией. Но затем Кален переехал на Эквинокс, чтобы посещать местную школу, а я остался с мамой. Ведь я дал слово бабушке и дедушке не оставлять ее после их смерти. Кроме меня, у нее никого не было.

Кален приезжал в гости каждые выходные, часто привозя с собой друзей с рифа, чтобы они могли лицезреть знаменитую Палиндрому. Затем его внимание переключилось на девушек, лодки и вечеринки, а я решил покорить остров. В конце концов, мне осталось подняться на последнюю вершину, Священную гору, самую высокую на всем острове. Сверху она нависала над землей, поэтому карабкаться на нее было строго запрещено. Но нас это не остановило.

Во сне, как и в реальной жизни, наши друзья остались внизу. Они предупредили нас, едва заметив зловещие тучи, нависшие над островом.

— Нам лучше спуститься, — сказал Кален. По его взгляду я понял, что он боится.

Но, как и два года назад, я ответил:

— Осталось совсем чуть-чуть, мы успеем до грозы.

Я продолжал карабкаться все выше, мне не терпелось поскорее взглянуть на мир, простиравшийся за островом. Кален был в одной связке со мной. Однако я ошибся.

Мы не успели.

Внезапно из тучи хлынул теплый дождь. Я вытер ладонью лицо и вдруг почувствовал на губах соленый привкус. Оглядевшись, я понял, что обе мои ладони в крови.

Затем я посмотрел на Калена, но кровавый дождь его не тронул. Он хотел подняться повыше ко мне, у него соскользнули руки, оставив на выступе кровавый след. Кален попытался уцепиться за выступ, но сорвался вниз. До меня донесся крик наших друзей.

Я потянул страховочный трос, чтобы его удержатъ. Веревка натянулась, я дернулся, чуть не упав со скалы под его весом.

— Держись! — крикнул я ему, видя, как он беспомощно болтается в воздухе подо мной.

Но он ничего не ответил, его лицо не выражало никаких эмоций, глаза были безжизненными. Только тогда я понял горькую правду.

Это был сон, Кален уже умер. А я отчаянно пытался изменить то, что произошло.

Я попробовал подтянуть трос, чтобы переместить Калена поближе к скале, но руки соскальзывали из-за того, что они были все в крови.

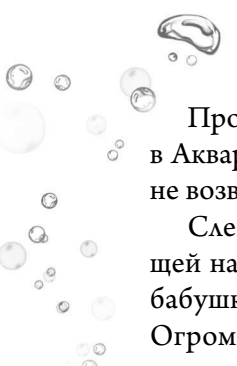
— Это все ты виноват! — произнес Кален с совершенно спокойным лицом.

— Нет, нет, нет, нет!

Но веревка ослабла, и, как всегда, Кален рухнул в воду недалеко от того места, где наши друзья в ужасе наблюдали за этим.

Было очень глупо, наивно, самонадеянно и эгоистично думать, что я смогу забраться на любую скалу на острове. Покорить Палиндромену. А затем и весь мир.

Достаточно всего одной мокрой скользкой скалы, падения в воду с огромной высоты, и один из моих самых близких друзей погиб. Из-за моей самоуверенности, из-за меня.

Проснувшись, я с облегчением понял, что нахожусь в Аквариуме. Я решил больше не закрывать глаза, чтобы не возвращаться на ту скалу.

Слегка размяв плечи, я потянулся за книгой, стоящей на полке за кроватью. Библиотека досталась мне от бабушки с дедушкой, которые собирали ее при жизни. Огромная подборка книг из Прежнего мира. Истории про те места, куда можно было добраться пешком или на вездеходе, а не на катере. Совсем другая жизнь, в которой люди не выживали, а жили нормальной жизнью, настоящей жизнью.

Тогда как эта проклятая новая жизнь была для мертвецов.

Чтобы отвлечься, я выбрал книгу о чудесах архитектуры Прежнего мира и о том, как правители постановили, что в городах должны быть высокие дома, чтобы вместить растущее число жителей. Некоторые из зданий Прежнего мира возвышались на тысячи этажей над землей. Естественно, они первыми рухнули во время Великого потопа.

Затем я приступил к своим ежедневным обязанностям: обошел все ряды в Аквариуме, проверяя, нет ли протечек, при этом я держал книгу перед собой. Здесь были сотни утонувших людей, находившихся в ожидании последнего прощания со своими любимыми. Из-за неспокойного океана, опасных погружений и частых штормов большая часть смертей после Великого потопа была вызвана переутомлением. А значит, их можно было оживить. На станции тела хранились в течение десяти лет, по прошествии которых от них избавлялись. Поскольку островов осталось не так много, места на них ценились на вес золота, поэтому на Палиндроме не могли вечно хранить все трупы.

Даже если близким было не по карману вас оживить или если вы умерли не в результате утопления, после

смерти ваше тело принадлежало станции. Это было частью договора Палиндромены с Хранителями рифов. В обмен на тела людей, будущих объектов научных исследований, рифы получали свежие продукты и необходимые лекарства для жизни на воде. Честная сделка, не так ли? В конце концов, зачем вам тело после того, как вы умрете?

Проходя по светящимся коридорам, я старался смотреть в книгу, не обращая внимания на движение в резервуарах. Несмотря на то, что на головах у мертвецов были плотные прозрачные шапочки, у некоторых из них волосы выбились из-под них и плавали у лица, как водоросли. Подсвеченные резервуары были заполнены водой с измельченными кораллами, что не давало трупам разлагаться. Они качались в воде, будто живые.

Но самыми ужасными были их глаза. Они смотрели на вас бесцветными радужными оболочками, а зрачки были сужены до маленькой точки. Я повернул за угол, и тут мне показалось, что кто-то из них моргнул.

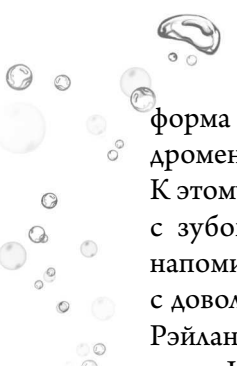
Я отпрянул назад, выронив книгу и налетев на тележку с химикатами. Бутылочки звякнули и упали на пол. К счастью, ни одна не разбилась.

Звук от случайно оброненных мной склянок разнесся эхом по всему подземелью. Мертвец рассмеялся.

— Рэйлан! — возмущенно крикнул я, поняв, что лицо с моргнувшими глазами принадлежит не трупу, находящемуся в воде, а тому, кто стоял позади пустого резервуара. Подняв книгу, я сунул ее в задний карман. — Что, разрази тебя гром, ты здесь забыл?

Рэйлан вышел вперед и засмеялся что есть мочи. На его загорелой коже мерцали блики от светящихся резервуаров. Короткие черные вьющиеся волосы отливали синевой.

— Видел бы ты свое лицо! — Он схватился за сердце и выпучил глаза, будто изображая меня. На нем была

форма зрителя: бежевая футболка с эмблемой Палиндромены в виде ладоней, сомкнутых над зеленым листом. К этому он добавил знак рифа, надев на шею черную нить с зубом гигантского панцирника-тюленя. Зуб больше напоминал оружие, а не украшение, и контрастировал с довольной ухмылкой, которая часто возникала на лице Рэйлана и была адресована по большей части мне одному.

— Игры с мертвецами — это не шутки, Рэй! — Но я не мог скрыть своей радости при виде него. Приятно поболтать с живым человеком вместо мертвых. Несмотря на то, что Рэю было восемнадцать, то есть всего лишь на год меньше, чем мне, он казался намного моложе. Думаю, это объяснялось тем, что я все время ощущал на себе груз вины, а также постоянно находился в компании мертвецов. — Что это ты решил повеселиться внизу? — спросил я.

— Я принес тебе пирожки с рыбой, — ответил он и протянул мне небольшой металлический контейнер в качестве примирения. — Попробуй, я их недавно сделал.

Я с трудом удержался, чтобы не выхватить пирожки у него из рук и не умять их прямо здесь. В новом царстве воды они были для меня настоящей отдушиной.

— Спасибо, — произнес я с набитым ртом, не в силах остановиться. — Невероятно вкусно!

Он широко улыбнулся.

— Я приготовил их для вчерашней вечеринки. Зря ты не пришел.

Я напрягся и проглотил весь кусок целиком.

— Я же говорил, что буду занят.

— Занят? Интересно чем?

— Тем, что и всегда, охраной подземелья. — Мне не хотелось ему врать, но я не мог признаться в том, почему оказался здесь на самом деле. Лишь мои друзья были свидетелями того, что случилось в тот день. Как я заставил

Калена карабкаться на вершину и не послушал его, когда он предложил спуститься вниз. Несмотря на то, что подсознание рисовало новые жуткие картины, во сне я видел все предельно ясно, и меня это раздражало. Я частенько думал, смогу ли я когда-то забыть об этом, или мне придется снова и снова проживать этот ужас до конца своих дней.

Я не мог спрятаться от воспоминаний о трагедии, зато я мог скрыться от всех, кто меня знал. Вот почему я исчез из того мира.

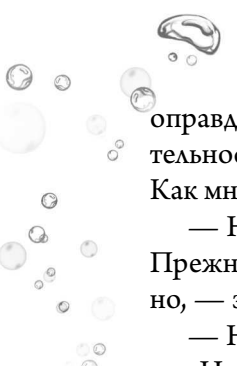
Рэй внимательно посмотрел на меня, а затем спросил: — Почему тебя не могут отпустить хотя бы на один вечер? Я знаю, что директор очень строгая, но, думаю, она бы поняла. Тебе нужно проводить хоть немного времени снаружи.

В том-то и дело. Я не мог, да и не хотел покидать Аквариум. Я не заслужил иной жизни, за пределами этого сырого, плохо освещенного подземелья. Не заслужил права получать удовольствие от жизни снаружи после того, как сам погубил Калена. По правде говоря, я не заслужил эту дружбу с Рэем, но и не пытался его оттолкнуть.

Он впервые спустился в Аквариум полгода назад, ища тихое местечко, чтобы прийти в себя после первого оживления. Он не мог пережить горе родных своего пациента. Сначала я решил не обращать на Рэя никакого внимания, однако, к своему удивлению, затем все же решил выйти, чтобы успокоить его и объяснить суть того, что здесь происходит. Это место неизбежно притягивало смерть, как волны, бьющиеся о берег. Нам оставалось только ждать завтрашнего дня в надежде, что он будет лучше.

Забавно, ведь сам я не позволял себе покидать подземелья. Жизнь внизу, вдали почти от всех людей стала для меня наказанием.

— У меня нормальная жизнь, — наконец ответил я. — К тому же мне нужны деньги. — Это было жалкое

оправдание и лишь частично соответствовало действительности, но я надеялся, что Рэю этого будет достаточно. Как много раз до этого.

— На что тебе деньги? Чтобы купить больше книг из Прежнего времени? Кажется, у тебя их и так достаточно, — засмеялся он. — Достаточно, слышишь?

— Не смешно! — сказал я, не в силах сдержать улыбку. Находясь рядом с Рэем, нельзя было оставаться серьезным.

Он стукнул меня по голому плечу.

— Ты такой бледный, что вскоре будешь похож на них! — Сам он был с одного из рифов, Эквинокса, его бронзовая кожа с оттенками охры стала еще темнее после долгих лет на воде.

— Спасибо за поддержку, Рэй. — Я уже слышал от него эти слова. *Бледный как покойник*. Или мое любимое: *Ты что, позаимствовал кожу у мертвеца?*

Внезапно улыбка сошла с его лица. Может, я слишком долго его отталкивал? В конце концов, мы дружим уже полгода, рано или поздно он устанет от моих отговорок. Я поспешил сказать:

— Как-нибудь в другой раз. — Зная, что этого никогда не будет.

— Отлично! — К счастью, он быстро переключился. Я с тоской думал о том времени, когда он потребует от меня ответов.

— Ну что, как прошла вечеринка? — спросил я, пытаясь сменить тему.

— Замечательно! — Его лицо просияло. Каждый раз, говоря про Эквинокс, он был преисполнен счастьем. — Я познакомился с отличным парнем. Жаль, что тебя не было! Кроме того, там было много хороших девочек.

— Угу, — буркнул я уклончиво. Кажется, я разучился разговаривать с девочками, не говоря уже о том, чтобы с ними флиртовать.

Рэй пошел за мной. Я слышал его тяжелые шаги и шаркающую походку. Несколько лет назад произошел несчастный случай: во время рыбалки столкнулись две лодки, его левая нога застряла между ними, в результате чего ему раздробило лодыжку. После этого он мог ходить, но в конце дня было видно, как он морщится от боли.

— У тебя все хорошо? — поинтересовался я.

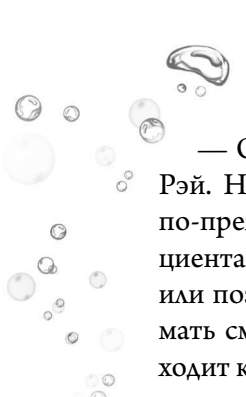
— У меня? — он улыбнулся своей фирменной улыбкой, обнажив щель между передними зубами. — У меня всегда все отлично, дружище.

Я знал, что он не любит говорить о той аварии, но мне было невыносимо видеть его страдания. Речь не о физической боли, а о том, что он лишился дела всей его жизни.

Любовь Рэя к океану передалась ему по наследству от предков, которые были мореплавателями еще до Великого потопа. Когда-то Рэй был подводным охотником и проводил больше времени под водой, чем на поверхности. Однако после того несчастного случая он решил бросить это занятие, так как понимал, что уже не сможет плавать, как раньше. Для того, чтобы работать ластами на глубине, нужна пара здоровых, сильных ног, по крайней мере так он мне объяснял. Для этого ему нужно было вылечить поврежденные сухожилия на ноге, а лучшим местом для экспериментального лечения была Палиндромена.

Местные ученые смогли найти способ восстановления поврежденного мозга и легких утонувших людей, но не совсем. Ткани могли восстановиться всего на двадцать четыре часа. В свободное от работы время Рэй помогал персоналу в медицинском отделении, надеясь, что у них появится возможность применить навыки по восстановлению мозга и легких для исцеления поврежденных клеток и тканей у живых людей.

— Расскажи про своего сегодняшнего клиента, — попросил я, желая сменить тему.

— Одна очень милая дама, — с теплотой ответил Рэй. Несмотря на ежедневную встречу со смертью, он по-прежнему сочувственно относился к клиентам и пациентам. Интересно, изменится ли это со временем. Рано или поздно все, кто здесь работали, начинали воспринимать смерть как нечто совершенно обычное, что происходит каждый день. А не то, что разрушает семьи и ставит крест на будущем.

— А кто оживший пациент?

— Ее сын. — Я услышал теплые нотки в его голосе. — Он утонул полгода назад. Мать попросила меня поддержать ее в конце.

— Правда? — Обычно клиенты просили оставить их наедине с ожившими близкими людьми.

— Я сказал, что так не принято. Мы не хотим, чтобы пациенты понимали, что происходит. К тому же мне не нравится находиться рядом с ожившими. — Он скорчил недовольную гримасу. — У меня от этого мурашки по коже.

Я удивленно поднял бровь.

— Сколько раз тебе повторять? Ожившие не пахнут, они совсем как живые. На двадцать четыре часа. — Пока не умрут второй раз.

— Я чувствую, что они пахнут иначе. — И он постукал по носу. — Мама говорит, что у меня особый нюх на такие вещи.

— Твоя мама боится собственной тени.

Он поднял палец вверх и открыл рот, чтобы поспорить, но затем произнес:

— Ты прав.

Рэй рассказывал мне, что его мама до сих пор верит в Прежних богов. Она ненавидела Палиндромену и то, что местные ученые наживаются на мертвых. Лишь однажды она приехала навестить Рэя, когда он только начал работать, умоляя его бросить все это и вернуться

на Эквинок. Она провела на острове всего час, а затем спешно покинула его на своем катере, заявив, что здесь повсюду витает запах смерти. Думаю, скорее всего, ей был непривычен запах выращиваемых у нас культур.

Однако в ее словах была доля правды. Этот остров олицетворял смерть, она являлась его неотъемлемой частью. Они были неотделимы друг от друга.

Я не верил ни в Подводных, ни в Пржежных богов. К чему все это? Мы сами творцы своей судьбы. Никто не знал это лучше меня.

— Пока я здесь... — Рэй откашлялся. — У меня к тебе просьба.

— Нет, — ответил я, даже не взглянув на него.

— Да ладно тебе! — Он обнял меня рукой за плечи, привстав на носочки, чтобы дотянуться. — Ничего сложного, приятель.

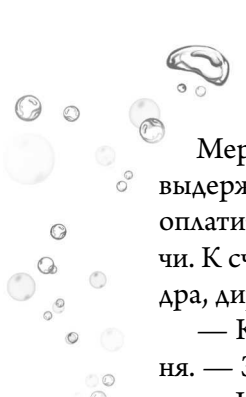
— Что-то не верится. — Со слов Рэя я понял, что он вечно попадает в какие-то передряги. Его честность шла вразрез с правилом держать в тайне все, что происходит на острове.

— Честное слово, клянусь Подводными богами. — В его голосе чувствовалась бравада, а его обычно открытое лицо было подозрительно серьезным.

Он боялся услышать мой отказ, это не сулило мне ничего хорошего.

— Ладно, — сказал я. — Выкладывай.

Он стрельнул взглядом по печи за моей спиной. Мы оказались в самом конце Аквариума, где ранее оживленные тела хранились перед тем, как найти последнее пристанище в храме на дне океана. Поскольку от суши осталась лишь маленький клочок земли, считалось большой честью быть похороненным там. Вот только немногие могли заплатить цену, назначенную научной станцией, что создавало разрыв между теми, кто жил на рифах, и теми, кто работал на острове и мог себе это позволить.

Мертвых нельзя было оживить второй раз, сердце не выдержало бы. А значит, если родственники не могли оплатить захоронение умерших в храме, их сжигали в печи. К счастью, это не входило в мои обязанности. Нессандра, директор Палиндромены, сама занималась телами.

— Кхм, — сказал Рэй, стараясь не смотреть на меня. — Завтра придет один клиент.

— Исключено. — Я сунул руки в карманы штанов, быстро сообразив, что к чему.

— Перестань. Всего один клиент, самый обычный клиент. Тебе просто нужно за ним присмотреть. Это же легко, там все автоматизировано.

Улыбнувшись, он постучал по экрану металлического эхопорта на своем запястье. У всех зрителей были такие — с их помощью они следили за оживлением пациента. Я не мог спокойно на это смотреть.

— Отлично, вот и займись этим сам. — И я пошел дальше.

Рэй пытался найти нужные слова.

— Тебе всего лишь придется встретить клиента, успокоить его и...

— Я слежу за резервуарами, а не присматриваю за ожившими. Ты же знаешь, что это против правил.

Зрители отвечали за пациента во время его оживления. Они должны были следить за тем, чтобы он не узнал о своей смерти и не покинул станцию. Работа на Палиндромене считалась престижной, поскольку здесь можно было заработать в пять раз больше, чем в любом другом месте. Но при этом ты сам должен был заплатить высокую цену. И Рэй прекрасно это понимал, поскольку он был начинающим зрителем.

— Поверить не могу, что ты просишь меня о таких вещах. Нессандра с тебя голову снимет.

— Вовсе не обязательно сообщать директору, — сказал он тихим голосом.

Нессандра, или Королева смерти, как ее называли со-трудники, установила строгие правила, чтобы не подвер-гать свою компанию критике со стороны жителей рифов. Не считая Рэя, она была единственной, кто знал о моем пребывании в подземелье. И я не мог подвергать опасно-сти свое убежище.

— Нет. — Я достаточно сталкивался со смертью по работе и не хотел бы оказаться с ней лицом к лицу, как зрители. То, что предлагали на Палиндромене, было неправильно. Компания делала вид, что она скорбит вме-сте с вами. Но на самом деле это было далеко от истины. Ваше горе было для них способом нажать на вас. И все, кто в этом участвовал, платили свою цену. Как мертвые, *так и живые.*

— Прощу тебя, Лор! — сказал Рэй тихим умоляющим голосом.

Я остановился и повернулся к нему. Рэй редко бывал столь серьезным.

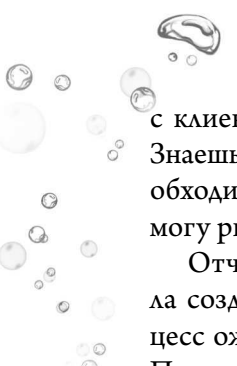
— В чем дело?

Он нахмурился.

— Доктор с Северных рифов приезжает на Эквинокс. Я договорился о встрече с ней несколько недель назад, — вздохнул он. — Она специализируется на реабилитации.

Я взглянул на его левую ногу. Перед приездом на Па-линдромену Рэй побывал у всех врачей в радиусе трех ты-сяч километров. Никто не смог ему помочь. Притом что он не оставлял надежды пройти лечение на острове, Рэй впервые упомянул реабилитацию, а не попытку найти лекарство. Неужели он наконец-то решил начать новую жизнь, поняв, что впереди его ждет иное будущее, никак не связанное с прошлым. И ему вовсе не обязательно быть таким, как я?

— Завтра не моя смена, — сказал он. — Просто вне-запно поступила заявка на оживление, и я оказался самым подходящим кандидатом, поскольку я одного возраста

с клиенткой, а остальные молодые зрители заняты. Знаешь, я бы никогда не потревожил тебя без крайней необходимости, но я и так на плохом счету у директора и не могу рисковать своей работой.

Отчасти тайна, окутывающая Палиндромену, была создана специально. Ученые хотели, чтобы весь процесс оживления казался мистическим и благословенным Подводными богами. На прошлой неделе Рэя временно отстранили за то, что он поведал клиенту о том, что, если вынуть тело из резервуара более чем на несколько часов и не оживить его за этот срок, оно начнет разлагаться и расплзется у него на глазах. Чем больше лет прошло с момента смерти, тем быстрее будет разложение. Это я походя сообщил ему такие подробности. Рэйлан не собирался пугать клиента, однако из-за его откровений Нессандра лишилась ценного заказчика. Многие на Эквиноксе и так не доверяли Палиндромене. Слухи, распространяемые людьми, имели огромное значение. Жители должны были чувствовать, что их умершие родные в надежных руках, а налоги идут на нужное дело.

— Прости, — сказал я. — Но я не могу оставить свой пост.

Много лет Кален был связующим звеном между мной и внешним миром. После его смерти мир будто бы перестал для меня существовать.

Рэй оставался единственным, кто напоминал мне о том, что находится за стенами подземелья.

— Пожалуйста! — Он сложил руки, как в молитве. — Всего двадцать четыре часа, а затем ты вернешься в свой мрачный подвал и спрячешься от жизни.

Я скрестил руки на груди и возмутился:

— Я не прячусь!

— Неужели? Почему же ты никогда не покидаешь Аквариум? — спросил он с вызовом.

Зря я думал, что смог его обмануть. Видимо, я его недооценивал.

— Я все время куда-то выхожу, — сказал я, пытаюсь изобразить улыбку. — Не выдумывай.

— Лор, — ответил он, тщательно подбирая слова. — Я видел твою кровать в дальней комнате.

Мне захотелось нагругить ему и выставить вон, сказав, что он ошибся и я вовсе не живу здесь. Но я запнулся на полуслове, не в состоянии придумать ничего правдоподобного.

— Я никому не скажу, — поспешно добавил он, поняв мои опасения. — Никто не узнает твой секрет. Я понимаю, что ты не хочешь об этом говорить.

Я фыркнул. Ничего он не знает. Да и откуда ему знать, если последние полгода я постоянно ему врал — врал своему другу, который сейчас просит меня о помощи.

Я прочел в его глазах отчаяние, когда он понял, что шанс попасть к врачу стремительно тает. Я по себе знал, что чувствуешь, когда прошлое тебя не отпускает, и хотел освободить его от этого.

Лучше бы я отказался, оттолкнул его и больше никогда не виделся с Рэем.

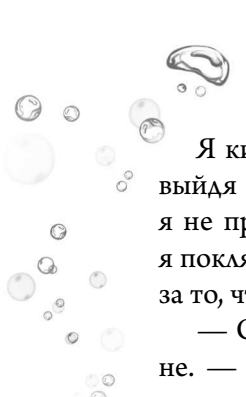
Но мысль о том, что я на долгие годы останусь один в полной тишине, пронзила меня насквозь. Мне нужно было то, что удерживало меня на плаву, и этим спасательным кругом был Рэй.

Если я сделаю вид, что в любой момент могу покинуть Аквариум, возможно, это на какое-то время продлит нашу дружбу. Я знал, что не смогу всегда сохранять эту видимость, но, по крайней мере, у нас будет завтра.

— Хорошо, — сказал я. — Я тебя заменю, но только один раз.

Его лицо озарила улыбка:

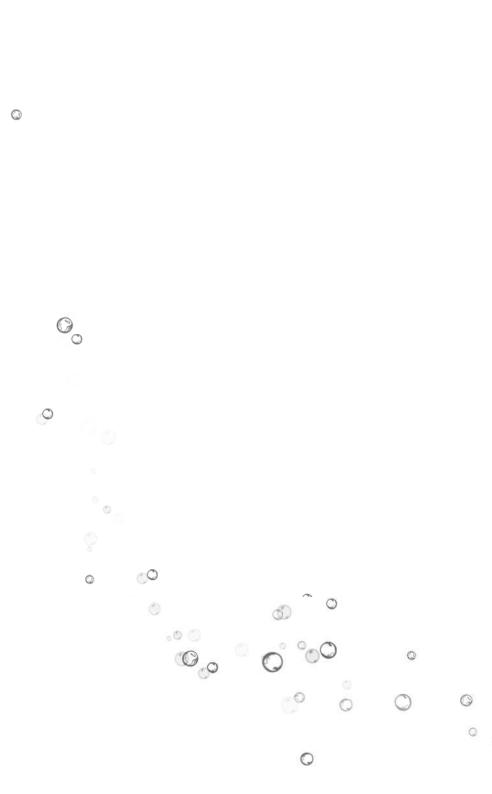
— Правда?

Я кивнул так, будто мне это ничего не стоило. Будто, выйдя из этой тюрьмы, в которую я сам себя заключил, я не предаю память о Калене. А ведь после его смерти я поклялся, что никогда его не забуду и понесу наказание за то, что он погиб из-за меня.

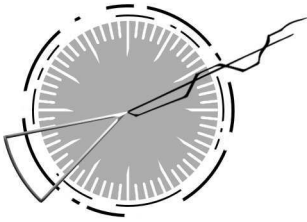
— Спасибо! — Рэй легонько стукнул меня по спине. — Прикинься мной на двадцать четыре часа. Твоя главная задача в качестве зрителя — направлять клиента во время оживления и помогать ему, если что-то пойдет не так. Но этого не будет. Все пройдет как по маслу, дружище. Как по маслу.

Я знал, что только время покажет, пожалею ли я об этом решении.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТЕМПЕСТА

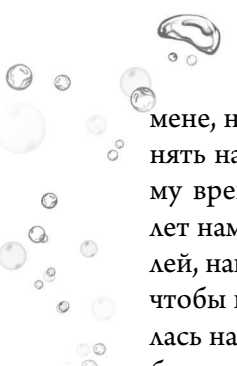
Счетчик еще не запущен

Понедельник, 10:00
За два часа до оживления

Я не могла поверить, что Хранители на Эквиноксе приобрели мое растение за немислимые четыре тысячи. Обычно приходилось упрашивать кого-то забрать у меня то, что я находила на дне. Мокрые книги, осколки тарелок, лоскуты тканей — за это давали совсем немного. В отличие от растения. Оно было на вес золота. Я даже не представляла, что выручу за него столько, сколько за прошедшие пять лет. Элизия могла бы гордиться мной.

Я понимала, что растение вряд ли окажется съедобным, но самое главное, что благодаря ему стало известно, что на дне есть жизнь. Это давало Хранителям надежду. На тот момент все съедобные культуры выращивались на Палиндромене, а затем поставлялись на ближайшие рифы, включая Эквинокс. Однако растущее население острова требовало все больше еды. Возникла необходимость поиска альтернативных источников пищи. Если растения смогли выжить под водой, значит, мы не будем настолько зависеть от Палиндромены.

Последние несколько лет были трудными для Эквинокса. Притом что наш риф был ближайшим к Палиндро-

мене, нам нужны были вещи, которые можно было обменять на еду. Все окрестные подводные города были к тому времени полностью освоены. В течение следующих лет нам предстояло жить только за счет рыбы и водорослей, найденных на глубине. Этого едва ли хватит для того, чтобы накормить людей. Совсем другая ситуация сложилась на рифах, расположенных южнее нас, возле которых было множество неисследованных подводных городов. Благодаря своим находкам они могли купить овощи, рис, фрукты и специи, которые выращивались на Палиндроме.

Я не представляла, как Эквинокс продержится следующие десять лет, но напрямую это меня не касалось. По крайней мере, на данный момент.

Когда вчера я принесла растение на полуденный аукцион, Хранители на Эквиноксе были в восторге и засыпали меня вопросами.

- Ты обнаружила новую землю?
- Где ты нашла это растение?
- Там есть еще такие?
- Покажи нам путь туда, сейчас же!

И это лишь малая часть всех вопросов.

Я сообщила им координаты подводного города, зная, что мне не придется снова туда возвращаться.

Вся тяжелая работа лежала на плечах жителей Эквинокса, однако, когда на дне находили нечто *по-настоящему* ценное, Хранители закрывали это место для простых людей и посылали свою команду для того, чтобы обеспечить аккуратный подъем найденного сокровища на поверхность. В течение часа мое здание будет осмотрено водолазами Хранителей. Только боюсь, что там уже нечего искать.

Передавая им маленькое растение, я мысленно пожелала ему всего хорошего. Казалось бы, оно должно быть важнее денег из крашенных морских водорослей, которые

я держала в руках. Однако сейчас именно они были для меня самыми главными.

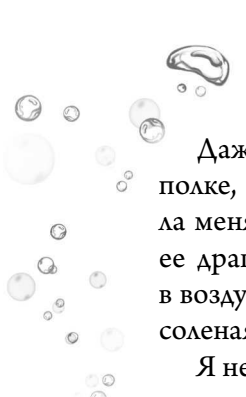
Большая их часть пойдет на воскресение Элизии. Все мои старания последних двух лет были связаны с оживлением мертвой сестры. Я не знала, что со мной будет после того, как воспоминания о ней сотрутся. Не знала, какой я *хочу* стать.

Я старалась отогнать от себя эти мысли, у меня еще будет время подумать о завтрашнем дне. А сегодня у меня назначена встреча на Палиндромене.

Прошлой ночью я не могла сомкнуть глаз. Каждая частичка моего тела замерла в тревожном ожидании. Сегодня я снова увижусь с Элизией. И наконец-то узнаю всю правду о смерти родителей.

Вернувшись к себе, я высыпала деньги из сумки на кровать. Отсчитав три тысячи, я сложила банкноты в шкатулку из морской раковины, в которой раньше хранились украшения. Затем я пересчитала оставшуюся тысячу. Мне больше не придется собирать заплесневелые водоросли и рыбные остатки в мусорном баке возле столовой.

Положив шкатулку в непромокаемую сумку, я еще раз оглядела всю комнату. Несмотря на то, что в ней почти не осталось личных вещей Элизии, к моему сожалению, здесь по-прежнему ощущалось ее присутствие. Ведь это она покрасила ржавые металлические стены в зеленый цвет пастой из водорослей, как напоминание о тех временах, когда вокруг были огромные леса, а не несколько жалких деревьев на уцелевших островах. А также о том, что когда-то на полях росло множество цветов. Однако с тех пор прошло несколько столетий, и сейчас вокруг нас была лишь бескрайняя синева, а океан стал нашим домом. Небольшие вкрапления зеленого встречались только на дне в виде водорослей. По крайней мере, я так думала, пока не обнаружила это растение.

Даже чашки, расставленные на узкой металлической полке, напоминали мне о ней. Сестра всегда отчитывала меня за то, что я ставлю их краями вверх, после чего ее драгоценный кофе становился соленым из-за взвеси в воздухе. Если же чашки были опущены краями вниз, то соленая пыль не оседала на них.

Я не понимала, что ее не устраивает. Что плохого в соленом кофе? Весь наш мир был не только насыщен всеми оттенками синего, но также повсюду были кристаллы соли. Все хрустело, скрипело, было сухим и жестким на ощупь. Мама учила нас стряхивать с одеяла соль перед тем, как лечь спать. Но и это не спасало от соли, которая за ночь покрывала все губы и залепляла глаза так, что с утра их было невозможно открыть.

Я взяла в руки ее любимую чашку из ракушек и перевернула ее, чтобы соль попала внутрь. Элизия больше не вернется, чтобы отругать меня за это. Никто больше сюда не придет.

Выйдя из дома, я отправилась на пристань, наводненную людьми.

Солнце стояло высоко, и воздух был влажным и соленым. Создавалось ощущение, будто бы дышишь через мокрое одеяло. В легких не хватало воздуха, было неприятное чувство тяжести, которое возникает, когда задержишь дыхание под водой. Я убрала от лица пряди черных волос, заправив их за уши.

Я шла по мостику, представлявшему собой балку от здания Прежнего мира. После Великого потопа выжившие люди со всего света собрались на оставшихся островах, принеся с собой свои традиции и культуру. Очень быстро они сообразили, что земля нужна для того, чтобы выращивать съедобные культуры, а для жизни они построили рифы из обломков зданий городов Прежнего мира, оказавшихся под водой. Огромные якоря крепили плавающие металлические строения

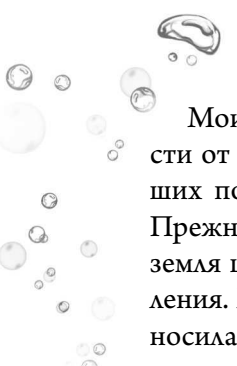
к земле моих предков, которую они когда-то называли домом.

На сегодняшний день насчитывалось порядка пятнадцати тысяч рифов, каждый из которых относился к ближайшему острову, находящемуся в радиусе восьмисот километров. Все, что простиралось за пределами этого, было непригодно для жилья, так как доставить туда свежие продукты было невозможно. Эквинокс был самым крупным рифом среди всех подобных сооружений, на нем проживало более десяти тысяч человек.

Я прошла центр Эквинокса, в котором возвышалось круглое здание. На первом этаже был зал Хранителей, а над ним располагалась столовая для всех жителей. На крыше стоял молниеуловитель, электричество с него поступало на турбины под Эквиноксом — наш единственный источник энергии. Во все стороны от главного здания протянулись длинные жилые кварталы, состоящие из множества металлических домиков. Крыша каждого из них была вогнутой для того, чтобы собирать дождевую воду, используемую для питья и мытья.

Я заметила маленьких детей дошкольного возраста, сидевших на краю мостков, соединяющих жилые кварталы, и держащих в руках удочки. Хорошо, если им повезет и удастся поймать хотя бы крохотных сладких рыбок. А для того, чтобы поймать что-то покрупнее, нужно было отплыть подальше от пристани, так как рыбы боялись воя турбин.

Дети постарше посещали общую школу Эквинокса, которая представляла собой класс на открытом воздухе, рядом с залом Хранителей. Школа была переполнена настолько, что нельзя было разглядеть металлическую решетку, на которой сидели дети. Проходя мимо, я услышала, что учитель упомянул название *Илания*. Так называли Ледяную страну.

Мои предки некогда жили в непосредственной близости от Илании, она была одной из первых земель, ушедших под воду. Перед тем, как это произошло, народы Прежнего мира находились на пороге войны, поскольку земля ценилась очень высоко из-за всеобщего перенаселения. Единственная нетронутая земля, покрытая льдом, носила название Илания, она занимала более трети всей планеты.

Правительства всех народов приняли решение разморозить землю, чтобы решить проблему перенаселения и недостатка ресурсов. Они хотели разморозить лишь часть Илании, однако светящая бомба оказалась слишком мощной. Весь лед растаял, из-за чего уровень воды в мировом океане поднялся, вызвав гибель миллиардов людей.

Некоторые скажут, что правительства добились своей цели, убрав проблему перенаселения, но я не могу обижать мертвых, говоря такие вещи.

Когда училась в школе, я видела изображения земель, на которых жили мои предки. Мне было сложно поверить, что было время, когда здесь существовали бескрайние просторы без воды. На огромном континенте существовало немало областей, в которых было нагромождение миллионов самых разных зданий.

Теперь от той земли ничего не осталось, за исключением пятидесяти новых островов, возникших после Великого потопа. Когда-то это были горы или скалы, вершины которых теперь виднелись над водой. Большинство островов принадлежало частным исследовательским станциям, которые надеялись найти способ продлить наше существование в этом затопленном мире.

Одним из таких островов и была Палиндромена, на которую я сейчас направлялась.

Мои родители работали на этом острове, отец был главным смотрителем и руководил программой оживления, а мама — Ведущим ботаником, она занималась

немногими сельскохозяйственными культурами, которые сохранились для питания людей в этой части света. Несмотря на их работу на острове, они ни разу не делились с нами подробностями того, чем занимались. Мама просила меня не заикливаться на смерти, а думать о хорошем, и цепляла мне за ухо цветок, сорванный на полях Палиндромены.

Прошло немного времени, и она погибла во время шторма вместе с папой. А три года спустя Элизия утонула в океане. Теперь я жалела, что мама не рассказывала мне о том месте, куда я направлялась. Возможно, в таком случае я бы не так сильно паниковала.

«Рассвет» был пришвартован у пристани вместе с сотнями других катеров. Большинство из них было сделано из оставшихся частей наземных транспортных средств Прежнего мира, но наш катер был гладким и сверкающим. Это дорогое судно выдали родителям на Палиндромене. Прощальный подарок от моих родителей. В тот вечер они были на нашем старом катере для погружений, попали в шторм и разбились у берегов Эквинокса. Можно сказать, мне повезло, что новый катер остался здесь. Но я не верила в везение, а только в Подводных богов и в то, что они определили мою судьбу. Я только одного не понимала: зачем они забрали у меня родителей и сестру.

Сегодня я надеялась узнать ответ на этот вопрос.

Продав все вещи, принадлежавшие моей семье, я так и не смогла расстаться с «Рассветом». Слишком многое было связано с этим катером, как моллюски, присосавшись к его корпусу. Когда мы были маленькими, родители брали нас с сестрой покататься на закате и полюбоваться на то, как серебристые панцирники-тюлени выпрыгивают из воды. Когда их не стало, мы с Элизией часто сидели на корме, спустив ноги в воду и представляя другую, лучшую, жизнь.

Если я продам «Рассвет», то разорву все нити, соединяющие меня с прошлым. Мне нужно было ощущать под ногами ровный гул его мотора, похожий на стук сердца у меня в груди.

Я забралась на борт и завела двигатель. «Рассвет», как и большинство судов, работал от солнечной энергии. Не успела я отплыть, как через волны автоматически пошла вибрация — сигнал, передаваемый на Сторожевую башню. Никто не мог проникнуть в воды Эквинокса или покинуть их, оставшись незамеченным.

— Сторожевая башня Эквинокса, — послышался мягкий женский голос еще до того, как я успела выйти из дока. — Сторожевая башня Эквинокса, пирс Б20, прием!

— На связи катер Квиксильвер «Рассвет», — ответила я. — Прием.

На Сторожевую башню стекалась вся информация о приплывающих и уплывающих судах, для того чтобы металлический остров мог выдержать десять тысяч человек. Необходимо было тщательно соблюдать весовые ограничения, вплоть до количества выращиваемой рыбы и детей в семье. Хранители не могли допустить, чтобы Эквинокс пошел ко дну, как здания в Прежнем мире.

Если в семье было более двух детей, у нее был выбор: либо пытаться выжить самостоятельно, без привязки к какому-либо рифу, либо попробовать найти другой риф, который ее примет. Но в любом случае она была обязана покинуть Эквинокс.

— Куда держите путь, «Рассвет»? — спросила женщина.

— На Палиндромену, — ответила я, тяжело вздохнув, и стала ждать ее ответа. Большинство жителей Эквинокса недолюбливали и боялись станцию мертвецов. Остров был им необходим, как источник пищи и медикаментов, к примеру таблеток для рекомпрессии, но при этом они считали, что оживление мертвых противоречит воле

Богов. Как прежних, так и новых. Но раз мы пока не научились выращивать растения под водой, то власть была в руках у тех, кто обитал на земле.

— Ясно, — резко ответила она. Я была одной из тех, кто снабжал Палиндромену тем, что им было нужно. А именно — деньгами, чтобы и дальше держать Эквинокс в своих руках. — Во сколько вы вернетесь?

— Завтра, ближе к вечеру.

— Я внесла информацию в журнал, — прозвучал ее ответ. — Будем вас ждать.

Она могла бы этого не говорить. Если бы я не вернулась вовремя, никто бы меня не хватился. Если бы я попала в грозу, угодила в бушующие волны или же в пасть какого-то морского чудища, их это не волновало. Многие погибли в морской пучине, отправившись на поиски лучшей жизни. Океан, расположенный между рифами, был непредсказуем, и в любой момент на горизонте мог разыграться шторм. Тогда человек запросто мог сгинуть в пучине.

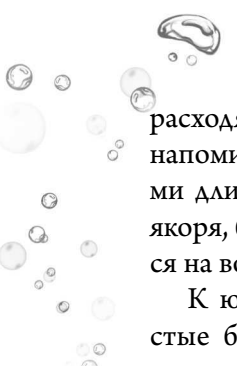
Среди жителей также ходили слухи о каком-то ненасытном чудище, живущем в воде. Но эти рассказы не были ничем подтверждены. Океан сам по себе был опасен, поэтому полупьяным выдумщикам, напившимся рагара на Весеннем Приливе, необязательно было выискивать новые поводы для того, чтобы его бояться.

Если завтра я не вернусь на Эквинокс, они решат, что я умерла, заберут мои вещи и отдадут мое жилье кому-то другому. Никто и бровью не поведет. Скорее всего, Хранители просто решат, что это лишний раз доказывает, что не стоит пользоваться теми услугами, что предлагают на Палиндроме.

— Поняла вас! — ответила я женщине на Сторожевой башне.

— Можете плыть, «Рассвет».

Миновав пришвартованные в гавани катера, я оглянулась на Эквинокс. Из-за бесчисленных длинных кварталов,

расходящихся от круглого зала Хранителей, все строение напоминало какое-то морское существо с расправленными длинными щупальцами. Несмотря на держащие его якоря, было видно, что плавающий город слегка колыхается на волнах.

К югу от Эквинокса виднелись мигающие серебристые буйки, определявшие границу звуковой локации и территорию Палиндромены. В то время, как на других островах система слежения использовалась для контроля движения катеров, на Палиндромене ее применяли для задержания любых судов, заходящих к ним из других регионов.

На протяжении десятилетий, до установления границ, люди приплывали к ним на остров, чтобы нападать на работников и воровать еду. С тех пор Палиндромена приняла закон, по которому лишь катера, сделанные на острове и оснащенные встроенными датчиками, могли пересекать демаркационную линию, а все остальные суда встречала вооруженная флотилия.

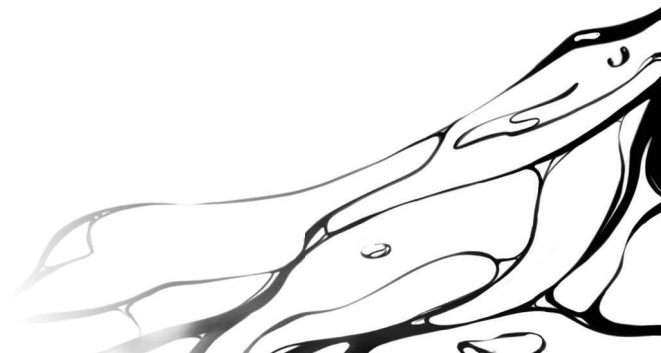
За серебристыми буйками находился неподконтрольный никому участок океана под названием Бескрайнее море. Там заправляли Реморяне, безжалостные пираты, нападавшие на суда, чтобы потом пустить их на запчасти, и оставляющие за собой след из затонувших судов. Нужно было быть очень отчаянным или глупым, чтобы отправиться туда.

Я свернула в сторону Палиндромены. Удивительный остров проступал сквозь соленую дымку. Четыре отвесные скалы вздымались над водой, словно пальцы руки, направленной вверх. Как будто земля потянулась к небу, издав последний вздох. А на ее «ладони» располагались поля с урожаем, кормящим все близлежащие рифы. Мама могла часами рассказывать про *свои* растения, словно они были ее детьми. О том, что каждому из них нужно разное количество воды, солнца и удобрений. В детстве я тоже

хотела стать ботаником, как она. Мне нравилась идея нести что-то новое в этот мир.

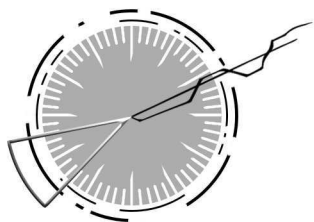
Стиснув зубы, я поскорее отогнала нахлынувшие воспоминания. Сегодня я наконец-то получу ответы и узнаю, что произошло с моими родителями.

Я гадала про себя, интересно, может так быть, что Элизия каким-то чудом чувствовала мое скорое прибытие и закипавший во мне гнев.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТЕМПЕСТА

Счетчик еще не запущен

Понедельник, 11:00

За час до оживления

Я плыла целый час, и вот наконец я в порту Палиндромены. Я всем телом почувствовала, как бешено колотится мое сердце. Так же, как мотор под моими ногами.

Тук. Тук. Тук. Тук. Тук.

Я боялась, что оно не выдержит — впрочем, если мне суждено умереть, разве можно найти место лучше этого? Кто знал о жизни и смерти больше, чем жители Палиндромены?

В то время, как на Эквиноксе не интересовались пропавшими гражданами, здесь все обстояло иначе.

Они были обязаны обыскать всю территорию на случай, если кто-то встретил ужасную смерть. Спасательные корабли Палиндромены были пришвартованы в разных местах по всему периметру гидролокации, готовые даже ночью выйти в океан, чтобы достать тела из воды. Затем они помещали их в резервуары и ждали, когда появятся родные.

Так произошло и с Элизией. Но не с родителями. Прошла целая ночь, прежде чем спасатели обнаружили остатки их катера, к тому моменту их тела уже пропали. Скорее всего, их съело какое-то морское чудище.

Во всем виновата Элизия.

Через четыре месяца после ее смерти я узнала, что она видела наших родителей прямо перед тем, как их катер разбился об Эквинокс. Она скрыла от меня этот факт, мне сообщил об этом ее лучший друг уже после ее смерти. Но самое главное — она призналась ему, что они погибли по ее вине.

Из-за сестры моих родителей нет в живых.

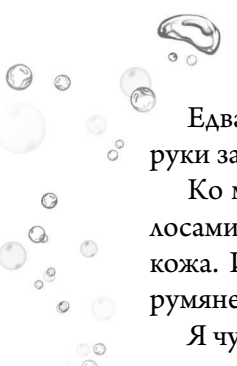
Сегодня мне предстоит узнать, что с ними произошло.

Я помолилась Подводным богам, чтобы мое сердце смогло выдержать сегодняшний день — ровно столько, сколько нужно, чтобы увидеться с Элизией еще один раз. Я прикусила щеку, чтобы вызвать гнев, который должен был заглушить мое волнение. Я не дам чувствам отвлечь меня от цели.

Когда мой катер вошел в гавань, тоненькие металлические руки поднялись из воды, чтобы направлять мое судно. Палиндромена ждала меня, легко считывая пульс моего катера, как свет кораллов на дне.

Пирс был сделан из гладкого переработанного металла, похожего на тот, из которого был изготовлен «Рассвет». Серебристый корпус ослепительно сверкал на солнце. Я заглушила мотор и поднесла руку к лицу, чтобы свет не бил в глаза. За огромной гладкой скалой не было видно станции, но она наверняка должна быть где-то неподалеку. Весь остров занимал не более шестнадцати километров в диаметре.

Возле пирса были пришвартованы другие суда, включая два огромных спасательных катера с сетями по обеим сторонам корпуса. Я вздрогнула, представив, как Элизию доставали из воды такие же катера. Не сомневаюсь, что родители специально не рассказывали нам страшную правду про Палиндромену, чтобы мы не задумывались об опасностях океана и о том, что до смерти было рукой подать.

Едва корпус «Рассвета» коснулся пирса, как стальные руки зафиксировали его, чтобы его не качало на волнах.

Ко мне подошла женщина с блестящими черными волосами в бежевом комбинезоне, того же оттенка, что и ее кожа. Из-за предполуденной жары на ее щеках расцвел румянец.

Я чувствовала себя наполовину раздетой в своем облегчающем платье из водорослей, которое едва прикрывало мой костюм для погружения.

— Здравствуйте, — сказала женщина и, прищуриив карие глаза, попробовала прочесть мое имя на цифровом планшете.

— Темпеста Алерин?

Видимо, она сравнила мой внешний вид с данными, которые вчера внес работник Палиндромены. Мне повезло, что я смогла так быстро записаться на сегодня. Стоило мне вчера продать растение, как я без промедления отправилась на катер представителя Палиндромены, который бросил якорь недалеко от рифа. Хранители не разрешали Палиндромене вести свои дела на Эквиноксе. Я продиктовала ему все данные, и мне выдали папку с информацией, чтобы я смогла изучить ее за вечер.

В ней были инструкции, как обмануть Элизию и заставить ее подумать, что она жива. Там была указана дата, когда она умерла, какая была погода и последние новости того дня. Я будто вернулась в прошлое. На самом деле я бы все отдала, чтобы вернуться туда и помешать сестре сесть на тот катер.

— Да, это я, — сказала я, взяв в руки сумку.

— Меня зовут Селна. — Она приветливо улыбнулась, когда я сошла на пирс. — Добро пожаловать на Палиндромену. Возьмите.

Она протянула мне две непрозрачные таблетки.

— Это для устойчивости, они помогут вам быстрее привыкнуть к твердой земле.

Я в замешательстве посмотрела на свои ноги и вдруг ощутила толчок, отчего чуть не упала. Селна успела меня подхватить.

— У нас такое часто бывает, — объяснила она, кладя таблетки в мою ладонь. — Они растворяются под языком и хорошо помогают.

Она похлопала меня по руке, когда я попыталась стоять прямо.

— Поверьте мне.

Не считая таблеток для рекомпрессии, я видела мало лекарств. Несмотря на то, что мама работала на Палиндромене, она верила лишь в природные средства: икру рыб для лучшего иммунитета и порошок из сухих водорослей для предотвращения соли в легких. Она запрещала папе приносить в дом какие-либо лекарства.

Я взяла одну таблетку и посмотрела на просвет.

— А что в ней?

— Магия, — ответила Селна с улыбкой и подмигнула мне.

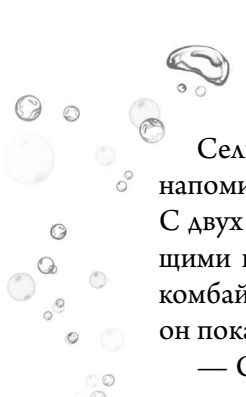
Я перестала верить в магию в пять лет, тогда мне казалось, что косяки огненных рыб — это упавшие с неба звезды. Сидя на мостках и свесив ноги в воду, я смотрела, как они проплывают мимо. Но после смерти родителей сияние рыб погрузилось во тьму, они стали бесполезны, как и созвездия, которые когда-то чттили наши предки.

— Вы привезли с собой деньги? — спросила Селна.

— Да, — я протянула банкноты из шкатулки. Вряд ли я когда-либо еще увижу такую сумму.

Она пересчитала их и отметила что-то на планшете.

— Пойдемте! — сказала она, положив планшет в карман брюк, и направилась в сторону большого зеленого массива посреди скал. Я сделала шаг за ней, но чуть не упала обратно в катер. Селна улыбнулась, но ничего не сказала. Сделав несколько неверных шагов, я положила под язык таблетки.

Селна привела меня к припаркованному вездеходу, напоминавшему транспортные средства Прежнего мира. С двух сторон шли железные пластины с трубками, ведущими к ржавому баку, находящемуся сзади. Похоже на комбайн, интересно, мама тоже на таких ездила? Почему он показался мне знакомым?

— Садитесь! — велела Селна, заметив мое замешательство. Я послушно села.

Когда вездеход поднял столб пыли на дороге, ведущей с пляжа, я закашлялась. Гул двигателя чем-то напоминал звук мотора на моем катере, и это придало мне некоторую уверенность.

— Впервые на твердой земле, да? — спросила Селна, пытаюсь перекрычать шум мотора.

Я хотела ответить, но из груди вырвались только хрипы.

— Не волнуйтесь, скоро пыль уляжется.

Она оказалась права. Повернув, мы оказались на огромном поле с выращиваемыми культурами.

На скалах, сразу за полем, возвышался купол из вулканического стекла, как черная жемчужина, хранящаяся в недрах острова. Но не это привлекло мое внимание — я ни разу в жизни не видела столько зелени, только во сне.

Мама говорила, что это сны о том, что было когда-то — воспоминания, переданные нам предками, чтобы мы не забывали свое прошлое. А иначе откуда еще я могла знать, что лес пахнет свежестью? Или как выглядят бескрайние луга с фиолетовыми цветами?

Папа не верил в мои сны и Подводных богов.

— С чего вы взяли, что во сне Темпе видит именно Прежний мир? Почему вы думаете, что она любит тем зеленым цветом, который видишь ты? — И он, смеясь, прикасался к моему лбу. — Может, она видит розовый цвет, как у раковин моллюсков?

Мама ругалась на него и укутывала меня одеялом, говоря, что ей бы хотелось, чтобы я продолжала видеть во сне прошлые времена.

— Однажды мир станет как прежде! — шептала она мне. — Будь счастлива в своих снах, малышка Темпе. — Так оно и было в течение долгого времени.

Подъехав к зданию с куполом, Селна остановила вездеход. Итак, вот и она. Палиндромена. Я ничего не могла разглядеть сквозь темные стекла. В горле пересохло, и мне пришлось несколько раз сглотнуть.

— Вам нечего бояться, — сказала Селна, помогая мне спуститься. — Мы будем поддерживать вас все время, пока вы здесь. — Но мне не было страшно, по крайней мере, в том смысле, который она вкладывала в это слово. Меня пугало не то, что придется попрощаться с Элизией, а то, что мне не удастся узнать то, за чем я приехала.

Селна провела меня через пост охраны дальше, в фойе с высокими сводами. Я остановилась, потеряв дар речи от того, что предстало моему взору.

— Восхитительно, не правда ли? — спросила Селна, повернувшись ко мне и сложив ладони вместе. — Слава Подводным богам за то, что они защищают наш остров.

В изумлении я поднесла ладонь ко рту, не в силах вымолвить ни слова.

В центре фойе, расположенного под куполом, возвышалось раскидистое дерево, его темные ветви простирались в разные стороны, словно руки. Они указывали на многочисленные этажи здания, идущие от фойе. Все его ветви были изогнутыми, в отличие от прямых и острых металлических обломков на Эквиноксе.

В воздухе стоял незнакомый запах.

— Здесь нет соли! — воскликнула я.

Я сделала глубокий вдох, наслаждаясь чистым воздухом, который позволял мне дышать полной грудью.

Круглый год из-за огромной влажности мы все дышали словно через марлевую повязку. А здесь я чувствовала себя легко и радостно, как во время погружения.

Устремленные вверх белые колонны были увиты цветами, так же как и облицованные плиткой сверкающие стены. Интересно, мама здесь срывала для меня цветы? Сквозь крону дерева в стеклянном потолке мелькнуло голубое небо. Как в давно забытом прошлом — небесная синева и зелень деревьев.

Такая же, как у моего растения.

— Как? — спросила я, приподнявшись. — Как это дерево смогло уцелеть?

Селна лукаво улыбнулась.

— Вы все узнаете из ознакомительного фильма.

И, не дав мне больше глазеть по сторонам, она отвела меня в слабо освещенный зал.

Едва я вошла, на экране появился первый кадр со словами, написанными красным цветом. *Умирающая планета.*

Вокруг меня грянула музыка.

— Присаживайтесь, — прошептала Селна, указывая на свободное кресло. В кинозале сидели еще несколько людей и не отрываясь глядели на мерцающий экран.

В начале фильма показали трагедию Великого потопа, который чуть не уничтожил современное общество. Здания были разрушены, все технологии забыты, животные исчезли, а нам пришлось пытаться построить новый мир поверх океана из того, что осталось.

Однако нельзя назвать Новый мир жестоким.

Услышав это, я усмехнулась. Скажите это моим родителям, сестре и всем погибшим в результате разбушевавшихся волн.

Когда уровень океана поднялся, появилась новая власть. Подводные боги. Они благословили наш остров, подарив Палиндромону, и предложили нам новую жизнь. Смерть больше не означала конец всего.

Я уже слышала эти истории. Поздно вечером мама с папой часто ожесточенно спорили об этой вере, возникшей на Палиндромене, связанной с тем, что мы должны благодарить Подводных богов за то, что можем оживать тех, кто утонул. Отец утверждал, что он ни разу не видел доказательства существования этих богов, которые, по заверениям ученых Палиндромены, защищали остров от разрушения. Папа считал, что он существует благодаря науке, и ничему более.

Я подумала, интересно, было ли у них время вспомнить о Подводных богах, когда их катер перевернулся, а сами они пошли на дно? Или же их последние мысли были о предавшей их дочери? А было ли у них время подумать обо мне?

Оставшаяся часть фильма была посвящена всем стадиям горя и тому, что я почувствую, встретившись с дорогим мне человеком, который оживет на короткое время. Но в нем не было ни слова о том, как *на самом деле* проходит процесс оживления. Хотя я и так знала, что специальная вода в резервуарах не давала телам разлагаться.

После фильма Селна оставила меня одну в комнате рядом с «палатой», где должно было пройти оживление Элизии. На стенах висели картины счастливых, улыбающихся людей. Воссоединившихся семей. Любящие люди снова вместе. Я отвернулась, почувствовав головокружение и шум в голове. Неужели действие таблеток закончилось?

Я недолго была в одиночестве, через несколько минут в комнату вошла светлокожая блондинка с короткими волосами, правильными чертами лица, высокими скулами и большими голубыми глазами. Она была невероятно красивой, но при этом довольно строгой на вид.

Она расправила складки на белом пиджаке.

— Темпеста Алерин, — промолвила она. — Я не видела тебя с тех пор, как ты была вот такой маленькой. — И она дотронулась до пояса черных брюк.

— Прошу прощения?

— Ты не узнаешь меня?

Я помотала головой.

— Прости, — она сжала губы. — Должно быть, ты была слишком мала, чтобы запомнить. Я работала с твоими родителями.

Мама с папой брали меня сюда?

— Я Нессандра, — добавила она. — Директор Палиндромены.

— Правда? — Когда родители говорили о своей начальнице, я представляла ее с обветренной кожей и белыми волосами, женщиной-ученым в белом халате.

Однако было видно, что она совсем не бывала на солнце. А значит, ей не приходилось проводить целые дни в катере, ныряя за остатками прошлой жизни. Судя по всему, Палиндромена процветала, зарабатывая на мертвых, как когда-то мои родители.

— Правда, — улыбнулась она. — Мне повезло, я самая главная на этой станции. — Она явно гордилась этим, так как ее голос стал мягче, а на щеках появился румянец.

— Ох! — растерялась я, не зная, что ответить. Я не ожидала встретить директора всей Палиндромены. Надеюсь, она не догадается, что я не просто убитая горем сестра. Вряд ли допросы с пристрастием были частью политики компании.

— Как только мне сообщили о твоём прибытии, я решила тебя поприветствовать, — сказала она, взяв меня за руки. — Прими мои соболезнования.

Я чуть было не спросила, по поводу кого она решила выразить соболезнования, но спохватилась, подумав, что она вряд ли оценит мой черный юмор.

— Спасибо.

— Уверена, что здесь ты найдешь то, что ты ищешь. — Я в недоумении уставилась на нее. — Залечишь свои раны.

Мне было неуютно под взглядом ее голубых глаз, внимательно изучавших мое лицо. Я вынула руки и сложила их на груди.

— Ты ожидала другого, не так ли? — И она жестом показала вокруг. — От Палиндромены?

— Нет. — Я уже забыла о том, что я уже когда-то была здесь в детстве, хотя, судя по всему, это правда. Выходит, что все мои сны про лес были воспоминаниями об этом дереве и о полях с культурами?

— Ах! — Она заметила, что мой взгляд устремлен на дерево за открытой дверью. — Оно прекрасно, не правда ли? Последний двухцветный эвкалипт, которому более пятисот лет. Мои родители построили станцию вокруг него, они — основатели Палиндромены, — сказала она, и по глазам было видно, что ее захлестнул поток воспоминаний. — Пятьдесят лет назад они обнаружили в коралле протеин, который не только предотвращает разложение мертвой органической материи, но и обладает восстанавливающими свойствами. Его лечебный эффект увеличивается в десять раз, если начать новый жизненный цикл организма, запустив сердце.

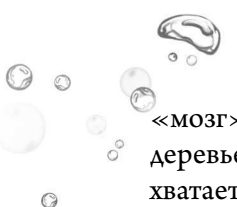
Она улыбнулась мне, думая, что я все поняла. Но она ошиблась.

— Ты знаешь, что у деревьев есть пульс? — спросила она.

— Разве у них есть сердце?

Нессандра по-доброму засмеялась.

— Нет, но у некоторых из них есть сердцебиение. — Нессандра положила руку на грудь. — Так же, как по нашим жилам течет кровь, так и по дереву циркулируют соки в течение суточного цикла. Все это контролируется командным центром из клеток, схожим с нашим мозгом. При попытке реанимировать погибшие растения родители обнаружили, что, когда они восстановили пульс у дерева, его командный центр тоже ожил. А значит, его

«мозг» исцелился. Однако они увидели, что новая жизнь деревьев длится всего один суточный цикл, которого не хватает для созревания плодов, — рассмеялась она снова.

Когда я не поддержала ее веселья, она продолжила.

— Тогда родители начали думать о другой области применения, в которой двадцать четыре часа были бы на вес золота, а не считались разочарованием. Мы по-прежнему не сдаемся и продолжаем искать способ сделать так, чтобы смерть не повторялась. Пока речь идет о растениях, но, возможно, однажды мы добьемся этого с нашими пациентами.

Выходит, что и Палиндромена, и рифы хотели одного: выращивать съедобные плоды там, где повсюду вода, но ни у кого пока не получалось.

— Но ты ведь не за этим сюда прибыла, не так ли? — уточнила директор. Было видно, что ей нравится рассказывать эту историю, несмотря на то, что она делала это очень много раз. — Ты готова к началу самых ценных суток в твоей жизни? — И она указала на дверь с номером шестнадцать.

Я не знала, что ответить.

— Разумеется, готова! — улынулась она, но при этом ее глаза оставались серьезными. Возможно, мое молчание ее слегка нервировало. — Твой смотритель будет здесь с минуты на минуту, он останется рядом с тобой на двадцать четыре часа. Его зовут Рэйлан Бассан. Он с Эквинокса, как и ты. Возможно, вы с ним знакомы. Раньше он был подводным охотником, — шепнула она заговорщическим тоном, будто это должно было произвести на меня впечатление. — Причем одним из лучших.

Я не знала никого по имени Рэйлан. Мы с Элизией почти не общались ни с кем из детей после того, как бросили школу после смерти родителей. Как бы то ни было, я не хотела, чтобы кто-то был рядом во время моего разговора с сестрой. Я хотела поговорить с ней наедине.

Видимо, Нессандра поняла мое молчание по-своему.

— Тебе нечего бояться, Темпеста.

Я пожала плечами и кивнула.

— А сейчас, — сказала она обеспокоенным голосом, — обещаю, что твоя сестра не узнает, что она умерла.

— Почему? — спросила я, хотя это не входило в мои планы.

— Так будет спокойнее для всех участников, — ответила Нессандра. — Представь, что бы ты почувствовала, узнав, что тебе осталось жить всего сутки.

— А что она подумает о том, что произошло? Наши родители работали на Палиндромене. Думаете, она не догадается?

— Когда она очнется, врачи скажут ей, что произошел несчастный случай, после которого она несколько дней находилась в коме. А теперь ей нужно остаться под наблюдением в больнице на Эквиноксе. В ее комнате все сделано так, будто она не покидала рифа.

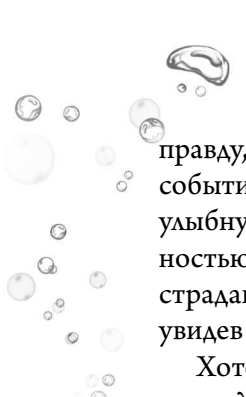
— И это работает? — Я не могла в это поверить, ведь все на Эквиноксе знали про Палиндромену. — Она не заподозрит, что это обман?

— Мы оживляем людей со всего света, — пояснила Нессандра. — Большинство не знают о том, что мы делаем, за исключением жителей Эквинокса. Тем пациентам, которые проживали неподалеку, мы даем лекарства, чтобы они забыли свои самые последние воспоминания. Они не вспомнят последние часы их жизни. Элизия не будет знать о том, что она утонула. Поверь мне.

Я надеялась, что она вспомнит ту ночь, когда погибли родители. А иначе какой в этом смысл?

— А если она все же догадается?

— Тогда сотрудники дадут ей снотворное, чтобы избежать паники. Естественно, нам бы этого не хотелось. Мы бы предпочли, чтобы вы провели как можно больше времени вместе. Для всех будет лучше, если она не узнает

правду, но уверяю тебя, мы готовы к любому развитию событий. Нам важно облегчить твою горе. — И она тепло улыбнулась. — Надеюсь, наступит тот день, когда мы полностью победим смерть, чтобы на земле больше не было страданий. — Я поняла, что она тоже кого-то потеряла, увидев боль в ее глазах.

Хотела бы я жить в таком мире.

— Жди здесь, — сказала она изменившимся голосом. — Твой зритель скоро появится.

— Спасибо.

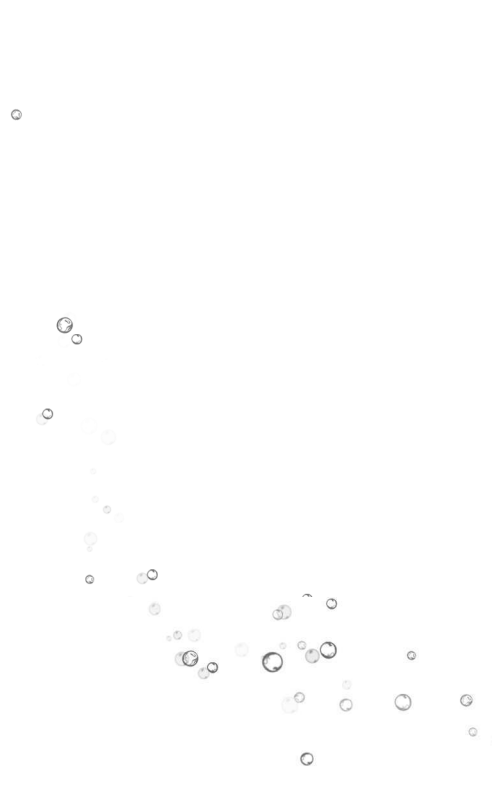
Затем Нессандра пожала мне руку.

— До чего же ты похожа на маму! — Видимо, она хотела подбодрить меня, но я вновь почувствовала грусть от того, что ее больше нет.

— Спасибо, — повторила я.

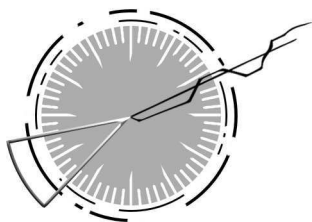
Она понимающе кивнула.

— Темпеста, скоро начнется твое приключение на Палиндроме.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛОР

Счетчик еще не запущен

Понедельник, 11:00.

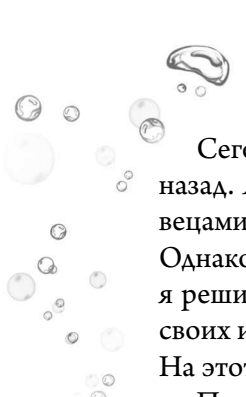
За час до оживления.

Понедельник. Наступил тот день, когда я наконец-то выйду из сумрачного Аквариума. Только если смогу уговорить себя встать с постели.

Я не стал подниматься, когда Нессандра оставила возле входа миску с ягодами. Она всегда приносила мне еду перед началом работы, зная, что я не хожу наверх в столовую для сотрудников. То, что я прятался в подвале, не означало, что я одобряю то, чем занимается ее компания. Поэтому, когда она пришла, я притворился спящим.

Я избегал общения с ней на протяжении почти двух лет после того, как она заставила меня пройти церемонию оживления с Каленом, уверяя, что это даст нам возможность проститься — ведь у нее не было такого шанса с ее родителями. Ужас в глазах Калена, когда он понял, чем все закончится, будет преследовать меня до конца моих дней. Осознание того, что каких-то двадцать четыре часа отделяет тебя от вечного сна, сложно принять спокойно.

Последним, что он чувствовал, был страх. Можно было бы винить во всем Нессандру, но на самом деле я сам виноват.

Сегодня я нарушу клятву, данную самому себе два года назад. Я обещал оставаться в подземелье вместе с мертвецами до последнего вздоха, чтобы искупить свою вину. Однако Рэй обратился ко мне за помощью. На этот раз я решил помочь ему, поставив благополучие друга выше своих интересов, как я должен был поступить с Каленом. На этот раз у меня получится.

Поскольку в компании было всего около пятидесяти зрителей и меня легко могли вычислить, вчера вечером Рэй сам участвовал в процедуре подготовки к оживлению с учеными. Они настроили специальный эхопорт для оживления и выдали ему цифровой планшет с подробной информацией о смерти пациентки. Рэй оставил оба устройства у меня. Я спрятал их под подушку, надеясь, что утром их там уже не будет, а наш уговор окажется всего лишь страшным сном.

Но я так и не смог уснуть, а вещи под подушкой куда не исчезли.

Наконец я сел на кровати и достал их из укрытия. Несколько секунд смотрел на иссиня-черный экран эхопорта, пытаюсь собраться с силами, чтобы его включить. Я понимал, что после этого пути назад не будет. В замешательстве я держал эхопорт над запястьем, а внутри меня шла борьба. До этого я надевал его лишь однажды — когда навсегда прощался с Каленом.

Когда-то я верил в программу оживления и в Подводных богов. Поскольку я вырос на острове и слышал только о чудесах Палиндромены, я ни разу не ставил под сомнение то, что они делают. Однако после несчастья на Священной горе я не мог смириться с тем, через что здесь приходится пройти людям. Я бы хотел разбить эхопорт на тысячу кусочков.

Но сейчас речь шла не обо мне, я заметил, какой затравленный взгляд у Рэя, и не мог позволить, чтобы он стал таким, как я: грустным, ожесточенным и одиноким.